

Геноцид не имеет срока давности: рассказы узников немецких концлагерей

«Грудного ребенка фашисты бросили на землю и ударили палкой по голове, чтобы не мешал матери копать окопы», «в концлагере сортировали людей, а после сжигали в печи тех, кто не мог работать и был не нужен»... Все это из материалов уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. «Маяк» при поддержке прокуратуры Гомельского района продолжает публиковать сообщения из протоколов допроса людей, которые стали очевидцами тех преступлений.

Сестра схватила хлеб, а женщина ей кричит: «Брось, он отравленный!»

Война пришлась на раннее детство Клары Григорьевны. К этому времени умерла мама, отец ушел на фронт, а она вместе с двумя сестрами осталась одна. Младшую 2-летнюю сестренку забрала к себе в дом пожилая родственница. Выживать в оккупированной врагом родной деревне Бервены, что в Кормяном районе, приходилось вдвоем, пока их с односельчанами не отправили в печально известный концлагерь Озаричи.

Бывшая узница концлагеря рассказывает:

– В деревне прожили несколько лет, пока нас в феврале или марте не отправили в концлагерь. Старшей сестре тогда было лет 15, мне – 10. Не доходя до концлагеря, нас сортировали на тех, кто может работать, и нетрудоспособных. Помню, как у женщины немцы выхватили грудного ребенка, бросили его на землю и ударили палкой по голове. Она нужна была им, чтобы копать окопы, а ребенок оказался помехой. Как же сильно кричала женщина, просто ужас...

И вот идем мы уже дальше по дороге, а перед нами – по снегу босой маленький ребенок и плачет, его маму отправили с теми, кто мог пригодиться немцам в качестве рабочей силы. И вот пришли мы на место, всех разместили под открытым небом на болотистой местности, без еды и воды. Сестра нашла чье-то взрослое пальто и одела на меня, а также платок и дырявые ботинки. Но все равно от холода все леденело. Однажды я чуть до смерти не замерзла, тогда я даже начала погружаться в сон. Помню, снится мне, что вроде выхожу из болота, неподалеку стоят дома. Думаю, пойду и погреюсь. Захожу, а там женщина печет блины. Я говорю: «Тёточка,пусти меня на печь погреться». А она мне: «Лезь, детка». Я залезла на печь, и так мне стало хорошо, тепло. И тут слышу громкий голос, очнулась, посмотрела на свои руки, а они все синие. Наверное, кровь уже застыла, и я начала засыпать. И вот нашелся добрый человек, который поднес меня к костру и отогрел.

Помню, немцы привозили твердый хлеб, он был, как кирпич. Этот хлеб они намеренно бросали в головы и лица людей, от таких ударов некоторые даже погибали. Однажды сестра схватила хлеб, а женщина ей кричит: «Брось, он отравленный!»

После по концлагерю стали ходить слухи, что нашим страданиям скоро придет конец. В ночь перед освобождением из плена сказали, что никому не спать. А потом была перестрелка и нас освободили. Из лагеря выходили друг за другом, нас предупредили, что вокруг все заминировано. Когда увидели наших солдатиков, то радости не было предела. Будто мертвые заново воскресли.

В тему

Впервые про лагерь смерти Озаричи мир услышал 14 февраля 1946 года, когда на Нюрнбергском процессе помощник главного обвинителя от СССР Лев Смирнов представил суду документы о злодеяниях фашистов на белорусской земле. Один из них гласил: «19 марта 1944 года наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР обнаружили

на переднем крае обороны немецкой армии три концентрационных лагеря, в которых находились свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков...». Другие документы доказывали преднамеренное использование нацистами бактериологического оружия: стариков, женщин и детей умышленно заражали сыпным тифом.

В лагере, где сортировали людей, всех раздевали и стригли. Некоторых потом сжигали

Когда началась война, Александре Савельевне было 2 года. В конце сентября 1943 года она вместе с мамой и младшей сестрой попала в сортировочный лагерь, который находился в Польше.

Бывшая малолетняя узница вспоминает:

– В лагере, где сортировали людей, всех раздевали и стригли. А после сжигали в печи тех, кто не мог работать и был не нужен. Нас отобрали в качестве рабочей силы, одели и увезли в другой лагерь, который находился недалеко от Вены. Там мы жили в бараке. Мама работала, а я приглядывала за младшей сестрой. Потом все заболели скарлатиной или дифтерией. Дети начали погибать, умерла и моя младшая сестренка, ей было тогда 3 года. Вот и живу за всех одна.

Мама говорила, что я была такая непоседа: подлезу под колючую проволоку и иду гулять. Помню, как-то подходит ко мне мужчина и говорит: «Что ты ходишь здесь одна, а как бомбить начнут? Все, скоро муки кончатся и нас освободят». Когда освободили нас из концлагеря, мне было 6 лет. Вот что я помню о детстве за колючей проволокой.

Ирина КОНОВАЛОВА

<https://sozhnews.by>